

Книги Дениса Ватутина
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КРАСНОЕ ЗЕРКАЛО. ЛЕГЕНДА СУМАСШЕДШЕГО
КРАСНОЕ ЗЕРКАЛО. ЛЕГЕНДА ВУЛКАНА
КРАСНОЕ ЗЕРКАЛО. КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДЕНИС ВАТУТИН

КРАСНОЕ ЗЕРКАЛО.
КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ

РОМАН

Москва, 2013
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В21

Серия основана в 1992 году
Выпуск 861

Художник
В. Федоров

Ватутин Д. А.
В21 Красное Зеркало. Конец легенды: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013.— 375 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1550-2

Часто победа оборачивается поражением. Так и случилось с Охотником Дэном Станным... Обнаружить врага — это, как оказалось, очень мало, ведь враг — ангел из высшего подразделения разведки! Станный потерял почти все: свою любимую, своих старых друзей и почти потерял рассудок. Туристической группы больше нет, на выручку приходят монахи и белый верблюд — звучит абсурдно, но так и случилось. Огромный город поглощает Станного, но кто-то неотступно следует за ним... Опять труп и опять тупик в поисках Ирины. Только гигантский древний вулкан возвышается в небе и хранит тайну, раскрыть которую людям лучше не стоит...

Меж тем скорость сюжета заметно возрастает и повествование легенды приближается к своему неумолимому концу, чтобы стать достоянием истории, если, конечно, ее будет кому потом читать, ибо День Страшного суда близок, и выдержит ли этот экзамен человечество, непонятно никому, к тому же никто об этом и не подозревает. Оживают и становятся реальностью самые ужасные кошмары Станного, и он вступает в наиболее трудный бой: бой с собственным страхом, которым наполняет его Мертвая Гора, затерянная на великом вулкане, где по древней легенде находятся врата в преисподнюю!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1550-2

© Ватутин Д. А., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

Побеждающий других силен, а побеждающий
самого себя могуществен.

Лао-Цзы

Мой отец считал, что прогулка в горы равно-
ценна посещению церкви.

Олдос Хаксли

Космос... Кажется, он тянется бесконечно...
Но когда добираешься до края, огромная горилла
начинает швырять в тебя бомбами.

Из мультсериала «Футурама»

«...Сие есть свидетельство всего, что видел и познал в те годы, когда возобладал аз Тремя Печатами Машу¹. Вот так же и я в своих скитаниях, подобно сему загадочному сумасшедшему, а может, и мудрейшему из мудрых, — отправился на поиски Истины, хотя поначалу не сознавал этой силы, что повлекла меня в края столь же далекие, сколь и опасные. И пускай мои исследования еще не окончены, и сложил я мозаику, находя осколки Истины, еще не полностью, — но и сейчас любой понять в состоянии: деревья листвою шелестят на ветру, упоминая меня в своих полных молитвах, ибо после всего мною пережитого, потерь, болезней и лишений мое имя стало немного созвучнее с Истиной. Возможно, тот, кто писал эти строки, писал их от души, честно признаваясь, что поначалу подвержен он был страстям, хоть и страсти эти служили к познанию мира и самого себя... Этим и я схож с ним, ибо сколь ни была бы страсть пагубна — она продолжает гнать меня вперед, властно и непрекословно. Ибо тайны, что открываю я — и для меня самого, и для всех людей в мире, — пользой могут обернуться, а незнание — забвением и смертью.

Видно, предназначено мне открыть эти границы, не захлебнувшись собственным сумасшествием, страхом и дикостью...

¹ «Некрономикон». Под редакцией Тесс'а. Вымышленный гримуар, якобы древний манускрипт, основанный на мифах Ктулху (Говард Лавкрафт «Зов Ктулху», 1928), написанный, или составленный, «фанатами» Лавкрафта по типу Манускрипта Войнича. Существует несколько вариантов «Некрономикона». Цитируется один из них, близкий по мифологии к древним шумерам.

Ибо были мы когда-то могущественнейшим народом, кой мудро правил и создавал небывалые и прекрасные ценности, надеясь след свой оставить в Вечности...

Да будут все читающие сию Книгу предупреждены, что те братья старшие, кои есть у людей, видят все очами своими небесными, обитая в пространствах бесконечных, землях небывалых, сквозь смерть и жизнь пронизывая мысль свою...»

— Да, это звучит довольно красиво, — кивнул Сатана, отложив стопку отпечатанной принтерной бумаги и раскурив дорожную монтийскую сигару, обернутую столларовой банкнотой. — Я бы даже сказал так: дьявольски прекрасно!

Он выпустил дым в потолок, задумчиво прищурился и серые веки.

— Но — увы, мой друг, напечатать мы это не сможем. — Он тяжело вздохнул, продолжая смотреть мимо меня, словно избегая встретиться со мной взглядом.

— Но почему?! — Во мне вскипели обида, боль, гнев и страх, злость оттого, что я ничего не понял. Даже дыхание у меня перехватило, будто меня окатили из шланга холодной водой. — Я писал эту книгу одиннадцать лет! — вновь выкрикнул я. — Я подыхал на раскопках, я ползал по гнилым колодцам! Я выклянчивал деньги у правительства — не жрал, не спал, не трахался! Потерял всех друзей и близких! Травился пылью сотен библиотек! Отстреливался из карабина от каких-то бандитов! Болел малярией, Желтым Джеком, дизентерией... Я выучил арамейский, шумерский, аккадский (про греческий с латынью просто молчу), я умею балакать даже на адитском! А знаете, сколько галлонов виски и унций разной наркоты мне пришлось употребить??? А спецподготовка, где меня учили душить на расстоянии и ставили надо мной эксперименты с флуктуациями нейтринного поля??? Кто еще так упирался, как я? Вы знаете, какую мне дали кличку студенты?

— Любопытно. — Сатана еле заметно усмехнулся.

— Странный! — Я почти выкрикнул это слово. — На их языке это означает «звезданутый на всю голову урод с маниакальными приколами»!

— Ну... — Сатана соорудил сконфуженную гримасу. — Дэн, дорогой, ты преувеличиваешь... я, конечно, все понимаю... Да... Ты прав...

— Если я неправ, — запальчиво воскликнул я, — скажи — кто??? Кто лучший? Я буду равняться на него...

— Да не в этом дело. — Он с досадой махнул рукой. — Дело не в «лучшем» или «худшем»... Как ты не понимаешь... Твой отец никогда мне этого не простит... Ох... Недаром я был против, чтобы наше издательство тобой занималось, а твой папа... Ну да ладно...

— Хотя бы скажи мне — в чем проблема? — процедил я сквозь зубы.

Он поставил локти на стол и обхватил голову руками, затем шумно выдохнул...

— Помнишь, — произнес он наконец, — когда ты учился в университете, ты проходил у меня спецкурс по шумерско-аккадской культуре? Я тебя отговаривал еще от полета на Марс... Помнишь?

— Помню, — кивнул я, чувствуя, что гнев отступает, оставляя ледяную пустыню.

— Так вот... — Он потер указательным пальцем переносицу — совершенно нехарактерный жест для него: я подумал, что либо он хочет солгать, как обычно, либо опять пытается скрыться за стеной метафор.

— Эпос о Гильгамеше я процитировал тебе не зря... — продолжил он, внезапно состарившись лет на десять. — Не зря... Ану, старший брат твоего отца, которого тогда звали Энке, создал анунаков, личную гвардию и координаторов Наследия Богов, и это в противовес старейшим Игигам¹. Это было давно, ты еще тогда даже не родился... Тогда была довольно трудная ситуация, не сложная, а именно трудная... Ану требовал дезинтеграции Гильгамеша... и это имело под собой основания... тот мог снова вытруфовать жром...

— Что??? — переспросил я.

Но он, казалось, не услышал меня.

— Началась война, — продолжил он, — Асуры выступили за Великое Омовение, подразумевающее уничтожение двух третей человечества... Их поддержал Ракшас Четвертый и его Стальные Кентавры — у них было климатическое оружие... А еще Джинны... то есть Эолы Сринагара²...

¹ Семеро И г и г о в — аккадских космических богов, олицетворявших стихии.

² Перечисляются имена и явления (события) шумерско-аккадской мифологии. С р и н а г а р — богатый город (санскр.).

Сказав эти слова, он легонько повел ладонью, и опять вокруг пошли его любимые трехмерные фокусы... Комната преобразилась — по стенам засияли очертания Аравийской пустыни. Конечно, я сам бы и не понял, что это именно Аравийская пустыня, но, во-первых, я это почему-то просто знал, а во-вторых, в верхней части экрана было видно всплывающую панель Google¹ с указанием местности.

...Гранитные зиккураты были запыленными, но смотрелись достаточно величественно. На стилобатах этих строений были надписи на адийском. Четкие грани, ярко освещенные солнцем, резали взгляд...

Я отмечал детали краем глаза, так как и глаз-то у меня особо не было: даже с моих густых бровей их заливали ручьи горячего пота. Чертово лето... Мардук² их побери... Ближе к городу виднелись рощи пальмовых деревьев с пожухлыми коричнево-желтыми листьями, и местами дорогу обступали черные обугленные стволы — следы недавнего лесного пожара.

Будто бордовые насекомые, сновали меж чешуйчатых черных пластин тлеющие огоньки — мир менялся. Лето становилось все жарче, пески наступали, а зима вообще стала сезоном ветров и ураганов. Атмосферное давление тоже изменилось. Умирали целые леса, высыхали реки, гибли звери и люди — жрецы пытались объяснить это гневом богов, но мы знали, что это просто эпоха... Просто активность нашего Желтого Карлика, который получил тут название «Солнце», усилилась, и через ионосферу проходит слишком много излучения... Да и последствия войны сказывались — «стрелы смерти» оставляли за собой стеклянные кратеры, смердящие радиацией... Но не эти проблемы волновали меня сейчас — достаточно было остального. Я не был готов к эвакуации, да и не знал, кто сейчас командует, — захотят ли они признать во мне потомка Древнейших? А если и захотят: хорошо это или плохо?.. Ведь армия моя была разбита...

¹ Google (произносится «гугл») — одна из ведущих по популярности (77,05 %) в мире поисковая система, обрабатывающая более 40 миллиардов запросов в месяц (доля рынка 62,4 %).

² Мардук — «сын чистого неба» (*аккадск.*); Мардохей — в шумеро-аккадской мифологии верховное божество вавилонского пантеона, верховный бог Междуречья, бог-покровитель города Вавилона после 2024 года до н. э. — то есть в наступление Эры Овна. Сын Эйя (Энке) и Дамкины (Дамгальнуны), супруг Царпаниту (Милитта, Билит), отец Набу, бога писцового искусства.

Жара, духота и смог... Наверное, так выглядит страна грешников в представлении жрецов...

По равнине стелился голубоватый дым, напоминающий натянутое полупрозрачное покрывало, из-под которого в вечернем небе виднелись бледные силуэты башен с раскрытыми силовыми излучателями на вершинах, которые давно бездействовали... Так теперь выглядел некогда цветущий Убар, город народа Ад... или же, как называли его иногда в народе, Ирам Многоколонный¹... Хотя они и понятия не имели, что это такое, — и я отчасти им завидовал, так как сам с удовольствием не имел бы понятия об этом...

Я вновь смочил повязку на лице горячей водой из фляги и повернул своего верблюда против ветра, пытаясь объехать тлеющую рощу деревьев с пробивающимися в пожухлой траве языками пламени. Бактриан фыркнул, изогнув шею по ветру, а я продолжил свой путь. Я знал, что почти все уехали из города, так как прошел слух, что все происходящее — это кара богов за людскую гордыню и использование технологий не по назначению... Отчасти это было правдой, несмотря на то что Убар был одним из немногих городов, не тронутых Великой Битвой. Я остро чувствовал опасность, и, наверное, это мое чутье заставило меня отправиться в самый ее центр.

Через некоторое время в кисейной дымке я заметил бегущего по дороге человека, одетого в лохмотья и грязную чалму. Как я и ожидал, он подбежал ко мне и схватил моего верблюда за стремяна. Сын Песка (как я называл его) вздыбился, косясь на меня.

— Что ты ищешь, идущий? — крикнул я, вынув из ножен свой меч.

Человек быстро затараторил на аккадском высоким и пронзительным голосом, из чего я заключил, что это если не жрец, то, по крайней мере, служащий при храме. Судя по татуировкам на его лице и руках — это был служитель культа Баала².

¹ Ирам, или Ирам Многоколонный, Ирем — древний город, упоминаемый в Коране и многих доисламских источниках. Его радужные башни, построенные из металла и драгоценных камней, по преданию, были воздвигнуты во времена царствования Шаддада, адитского правителя, на территории Аравийской пустыни.

² Баал, Бел, Балу, Ваал — букв.: бог, благой, владыка, великий, — являлся эпитетом «бог, владыка» для разных богов и градоначальников у древних западных семитов. Также конкретное божество в ассирио-вавилонской этнокультуре, почитавшееся в Финикии, Ханаане и Сирии как громовержец, бог плодородия, вод, войны, неба, солнца и прочего.

— Не ходи туда, добрый путник! — выкрикнул он. — Не ходи в проклятый город, ибо боги не желают видеть здесь человека. Смерть царит здесь, и демоны готовы спуститься на Землю!

— Откуда ты знаешь, что я — добрый путник? — ответил я на ади, намеренно показывая, что понял его, но желаю говорить на своем языке.

Он моментально переключился на местный диалект.

— Еще вчера многие сомневались, — сказал он визгливо, немного задыхаясь, — особенно знать и духовенство, — они собирались на ритуал, дабы умилоствить богов... Но... Когда я пришел утром зажигать огни алтаря — я увидел тела... Мертвые тела... Трупы... Понимаешь? Баал забрал их души. Дай мне воды...

Я протянул ему флягу.

— Я — мародер, — ответил я спокойно, глядя на то, как его пересохшие губы впились в горлышко глиняного сосуда.

Он блаженно закатил глаза, проглотив добрую половину моих запасов воды, которая была горячеей, словно только что из гейзера.

— И что ты делал с утра до вечера, после, как обнаружил трупы? — спросил я с интересом.

Он оглядел мою упряжь и самого меня с головы до ног.

— Ты не похож на мародера, — сказал он медленно, обтирая запекшиеся губы. — Ты похож на воина.

— Ну, и где тут разница? — цинично ухмыльнулся я. — Великий Энке¹ покровительствует тем, у кого нет сомнений, так ведь? А Баал благоволит воинам...

— Ты из знати, — убежденно сказал он, поклонившись.

— Да, — кивнул я, — род мой знатен.

— Зачем ты едешь в проклятый город? — спросил он, и в глазах его мелькнул ужас.

— Я еду соединиться с богами. — Я мрачно улыбнулся кончиками губ. — Черный Глаз сдает меня, и дни, а может, и часы мои сочтены...

¹ Энке (*шум.* — «владыка земли», «владыка низа»), Э й я, Э а, Х а й а (*аккад.*) — одно из главных божеств шумеро-аккадского пантеона. Один из анунаков — древних богов, пришедших на смену Игигам — древнейшим богам. Бог-покровитель города Эреду(г), одного из древнейших культовых центров. Энке — хозяин Абзу, подземного мирового океана пресных вод, а также поверхностных земных вод, бог мудрости и заклинаний, владыка божественных сил, часто защитник людей перед богами, помощник людей и богов во всех трудных делах.

Он медленно и с испугом протянул мне назад мою флягу с остатками воды.

— Не бойся, — сказал я, горько усмехнувшись, — мой недуг не передается. Просто мне было видение, что Баал примет мою душу здесь, ибо Энке, сын отца, призвал меня... Я много сражался...

— Ты — паломник смерти? — Он округлил свои глаза. — Ты уже все знаешь??

— Да, — вновь кивнул я коротко, — я знаю... Ты так и не ответил мне — что ты делал в проклятом городе после того, как нашел трупы в храме? На мародера ты тоже не похож...

Он вновь смерил меня взглядом, и я для убедительности вернул свой меч в ножны.

— Я искал живых и оставшихся, — глухо произнес он, — но не нашел их, паломник. Наверное, я последний, кто оставил Убар живым... Я — скопец... Я не грешил...

Теперь я понял причину его громкого и высокого голоса.

— Видел ли ты какие-то знамения Великих? — вновь спросил я.

— Да... — благоговейным шепотом ответил тот, — из Башни Мардука в полдень вышла яркая звезда и исчезла в небе... Даже Мардук ушел — Ану¹ призвал его...

— Да хранит тебя Ану, — сказал я, ударив ногами Сына Песка и поскакав к проклятому городу — надо было спешить...

Сверкающие и прозрачные ступени — словно угловатый застывший горный ручей... Они так пронзительно молчат, что звон в ушах раздается сам собой... Когда в голову, в мозг, приходят такие образы — это ни о чем хорошем не говорит...

— Ты решился, — произнес голос в моей собственной голове.

— Ох, не знаю... — простонал я: голова раскалывалась, а над ступенями призрачным покрывалом клубился едкий дым...

¹ А н у (*шум.* Ан) — в шумеро-аккадской мифологии верховный бог неба, возглавлявший сонм богов. Наряду с Энлилем и Энке входил в число старейших и самых могущественных богов месопотамского пантеона. Его титул — «отец богов». Нередко он враждебен людям (по просьбе Иштар наслал на Урук небесного быка, требовал смерти героя Гильгамеша), но чаще пассивен и бездеятелен. Символ Ану — рогатая тиара.

— Ты здесь, потому что решился... — вновь произнес голос с равнодушными интонациями.

— Вообще я не хотел бы... — сказал я, поморщившись от боли.

— Но ты здесь, — так же, без интонаций, сказал голос.

— Да, здесь, — вяло согласился я. — А что, у меня были варианты?

— Ты знаешь, что да, — ответило мне.

— Ну, были, конечно, — с досадой согласился я, — но я даже и не думал...

— А думают только тогда, когда отстраняются... — вновь прозвучало у меня в голове. — Но теперь ты почти на стартовой площадке. Добро пожаловать.

— Спасибо... — Я озирался по сторонам, но видел лишь открытые дымом прозрачные ступени. — А Зевс с Аидом тут?

— Они ожидают тебя там, сверху...

— Мм... — неопределенно промычал я. — А это не больно?

— Ну, как сказать... — Невидимый собеседник будто размышлял. — Кому как. Но в целом приобретенное покрывает с излишком все потерянное...

Я помолчал. Было чувство, что меня вот-вот стошнит. Я сосредоточился на пульсе своего сердца и на ритме дыхания.

— Это просто привычка, — сказал голос.

Я опять промолчал, вдыхая сладковато-едкий дым и глядя на уходящие вверх ступени. Затем я встал с колен и наступил на первую из них, проверяя ее на прочность.

— Они из алмаза, — сказал голос, будто угадавший мои сомнения.

— Я почему-то сразу понял, что не стеклянные, — зачем-то ответил я.

— Квантовая физика — это тебе не хрен собачий, — так же возвышенно и без интонаций сказал голос.

— Ну, да... — Я понуро переставлял ноги со ступени на ступень, понимая, что это надолго. — Ты мне лучше вот что скажи...

— Да?

— Это что, и есть суть всего?

— Это способ всего, точнее, одна из форм, — ответил голос. — Твой вопрос поставлен некорректно...

— Хорошо, — кивнул я, — это моя личная суть?

— Видишь ли... — Голос замялся, и был он, как мне показалось, с интонациями Сатаны. — Дело в том, что разум ждет ре-

зультата, отраженного на глобальных процессах, но любая логическая цепочка конечна, а процессы... они нескончаемы. Когда были нужны эти погружения в мелочи, эта проработка деталей энтропии, и возникли люди (одна из причин). Да к тому же о разности потенциалов процесса не забывай... Ты же — полукровка, это даже труднее. А настоящий бог или великий — входит в состояние «процесса», а не «результата». Поэтому и дают за это бессмертие — чтобы ты мог все видеть, но не влиять — только процесс поддерживать... Баланс... равновесие... Точка — тире... Сигнал — пустота, смерть — жизнь... Вот лишишься личности — тогда все сможешь воспринять...

— Значит, правы были китайцы? — Я, лихорадочно озираясь, искал перила...

— И китайцы тоже, — примирительно ответил голос...

Каменные колонны возвышались вокруг в хаотическом порядке, словно лес... Они были неживыми — я это чувствовал... Некоторые разрушены, и их осколки валялись возле собственных подножий. Несколько неожиданно смотрелись неровные сколы фрагментов и отполированные части камня с четким рисунком, прерываемым шершавой поверхностью камня. Другие из колонн были затянуты паутиной, а кое-какие распирали ажурные каменные арки.

Изредка я спотыкался о куски камня со следами филигранной обработки, иногда приходилось перелезть через поваленные на прозрачный пол блоки камней.

— Да, это полный бред! — сказал я громко, больше для того чтобы услышать собственный голос. — Ирам Многоколонный не может быть таким...

Звонкое эхо от моих слов только усилило мое одиночество и неуверенность. Я продолжал бродить, подмечая между колоннами то пустые бочки, то остатки каких-то механизмов и электронных приборов. Пару раз встречались небольшие кучки пожелтевших и высохших костей... Я не хотел их изучать, чтобы не удостовериться в том, что они человеческие...

Вдруг между двумя колоннами (одна коринфского ордера, другая в ассирийском стиле) мне показалось некое мерцание воздуха — конечно, я направился туда, пока мой лоб не уперся в невидимую преграду.

Тут же раздался резкий сигнал тревоги, и откуда-то сверху я услышал любимый голос, принадлежащий Ирине:

— Внимание, на объекте обнаружен посторонний. Во избежание санитарных мер подтвердите ваш код идентификации в течение стандартной минуты... полста девять, полста восемь, полста семь, полста шесть...

— Так это же я!!! — закричал я. — Эй! Ира! Я! Это я!

— Полста четыре, полста три...

И тут я увидел эту статую... Это была Ирина, высеченная из черного кварцита. Глыба была наполовину необработанной — складывалось впечатление, что она пыталась вылезти из обломка скалы, но так и окаменела...

— Ира, я пришел, — сказал я шепотом, чувствуя, как по моим щекам текут горячие слезы. — Я здесь... Я теперь всегда с тобой... Я здесь...

— ...Сорок два, сорок один, сорок...

Я беспомощно опустил на пол, обняв черный камень руками... Я застыл...

— ...Тридцать пять, тридцать четыре, тридцать три...

— Мы же с тобой одно и то же!!! — закричал я в отчаянии, закашлявшись.

Возникла пауза.

— Объект идентифицирован, — раздался спокойный голос моей любимой. — Доступ разрешен. Просьба пилоту-навигатору пройти на стартовый уровень.

Я стиснул челюсти и, опираясь на глыбу, поднялся на ноги.

Но вместо скульптуры, вырезанной из камня, я опирался уже на стальную стойку охранного пульта, в центре которой пульсировала салатным светом пятерня человеческой ладони. Я приложил свою руку к сенсорной панели, и раздался мелодичный перезвон колокольчиков...

Передо мной засверкала длинная, уходящая в перспективу колоннада, которая озарялась вспышками света.

— Инерция объекта тысяча единиц, старт разрешен, — вновь сказал голос Ирины. — Позиция — «лямбда-девять», условный курс — мембрана «зэт»...

Колонны гулко завибрировали и засияли — ярче других те, которые ближе ко мне.

Вдруг меня неодолимой силой стало тянуть вперед... Ближайшие колонны вспыхнули внутренним светом, следом за ними те, что дальше. Меня так мощно повлекло вперед, что казалось, мой череп хочет выскочить из оболочки кожи лица... Я, разгоняясь скорее ветра, понесся, быстрее и быстрее, синхронно со вспышками казавшегося мертвым камня...

Колоннада выглядела бесконечной, пока наконец колонны не слились воедино, в некую пульсирующую стену, сквозь которую просвечивали мириады маленьких огоньков, слегка смазанных, словно на фотоснимке... Но вот исчезли и они... сердце бешено стучало... Передо мной возникло бесформенное черное пятно, в котором я растворился...

Отрывок из записи на карманном планшете

Вот так этот путь и оканчивался...

А начался он с моего прилета на Марс и моей дурацкой тяги ко всему новому и невыносимой жажды одиночества. Я здесь был уже пятый год (по марсианским меркам — чуть меньше трех), хотя ощущение было, что уже лет десять.

Последнее время у меня появилось ощущение, что этот год на Марсе может стать для меня последним... Сам не знаю, что меня потянуло с этими двумя типами из одного полушария в другое. Йорген и Сибилла — опытные Охотники и хорошие напарники... Теперь их просто нет со мной... Их гибель на моей совести навсегда... Нет любимой, нет группы... нет ничего... Теперь всегда в моих снах есть место для пустынной долины, засыпанного песками поезда и лошадиной головы Криса, которого должен был изобличить я, а изобличил он меня... И переиграл. Теперь я, вместо того чтобы уехать с любимой на край Марса и жить там в свое удовольствие... должен лезть на эту чертову гору... Гору, где должны жить не то боги, не то демоны... Мне впору не вести дневник, а писать историю болезни: я уже путаю явь со сном, я не понимаю, что правильно, что нет, я вообще перестаю чего-либо хотеть и думать... Наверное, так и должны выглядеть Врата Смерти и Небытия?.. Ощущение, будто я знаю, что будет дальше, но не могу этого ясно разглядеть...

— Ты фсе рафно будешь непобедимый и живой... Ты не будешь мертфый... Мама говорила мне, что нифрит побеждает сталь... Да... А вода еще есть?

— На воду...

— Тихо-тихо-тихо — он шевеливается...

— А ты не бубни над ним-то... Зачем ты бормочешь?

— Я не бормочешь — я говорю ему...

— Джей, что вы расшумелись?

— Папа, он шевелится... Застонал...

— Ну, и что вы, куры, кудахчете?!

— Сам ты...

На меня смотрело узкими щелками глаз женское лицо с широкими скулами и слегка обветренными губами...

— Привет, Странный, — сказала девушка с пучком черных волос на голове. — Ты уже здесь? Э-э-э-э?

— Аюми... — Я почти выдохнул это слово, и моментально на меня навалилось ощущение боли и пустоты... Ощущение потери...

— Да... — Девушка слегка улыбнулась. — Ти мэня узналь? Значит, все...

Вокруг лица японки, которое было единственным солнцем, взошедшим на моем небе, виднелся каменный потолок с вырезанными полосами от следов вырубки камня.

— Где полковник? — спросил я, медленно возвращаясь к действительности.

— Там, — она закивала, — там, в комнате с едой.

Вдруг чуть выше лица Аюми появилось сосредоточенное лицо Хмурого.

— Привет, Странный, — сказал он, поджав губы. — Как чувствуешь организм?

— В порядке, — сказал я, ощущая лихорадочное потряхивание конечностей.

— И то ладно, — кивнул он.

— Мы не в поезде? — спросил я.

— Поезд уехал, — мрачно сказал Машинист, — мы в надежном месте, все в порядке.

— Уехал без тебя? — удивился я, насколько мне позволяла трясучка.

— Я приказал, — махнул рукой Хмурый, — тебе нельзя сейчас на вокзал, как я думаю... Не стоит тебе туда...

— Я же сказала тебе, поезжай, все в порядке, я справлюсь! — раздался под сводами пещеры женский голос.

— Джей, вот тебя-то на кой хрен понесло в Ржавые Пески со своими джигитами?

Хмурый был определенно недоволен.

Я смог слегка повернуть шею и увидел хрупкую фигурку темноволосой девушки с веснушками и вздернутым маленьким носиком. Она чем-то напомнила мне Сибиллу, только на вид ей было лет двадцать, не больше. И вновь накатил приступ пустоты. Пустоты и боли...

— Пап, ну хорош уже! — Девушка сверкнула голубыми глазами. — Я тебе все рассказала — и про рейд, и про то, что в Сети прочла про поезд...

— Джей! — Хмурый говорил резко, но негромко. — Ты вот эти выкидоны оставь! Что я матери скажу? Я сто раз тебя предупреждал, чтобы ты в Ломоть Сыра не совалась, — здесь отморозков — как блох на цербере! Ты хочешь тут сгнить на песке? А про нас с матерью подумать — это тебе в голову не приходило? Ты хочешь, чтобы я в каждом рейсе психовал: а вдруг моя девочка тут между камнями приключений себе на задницу ищет?

— Па, все же нормально, чего ты пузыришься? — отмела она слова Хмурого решительным жестом. — Стрелять умею не хуже, чем ты, мозги есть, слава богу... Ребята со мной не какие-нибудь, сам знаешь... Хотела тебя встретить — ты не рад, что ли?

— Рад, до посинения, — проворчал Хмурый, хлебнув из фляги. — Тут такое было... Тебя вот не хватало... Сама же видела концовку... Познакомься, Странный, — моя дочь непутевая... Джей...

Девушка подошла ко мне и протянула руку.

— Джей Джокер, — произнесла она. — А ты, говорят, Странный?

— Говорят... — вздохнул я, с трудом приподнявшись на локтях и протягивая руку.

— Это который Пастух Глюков, что ли? Тот самый? — Она с любопытством разглядывала меня.

— Не знаю уже, — сказал я, — тот самый или только название одно...

— Странный, кушать будешь? — заботливо спросила Аюми.

— Спасибо, пока нет, — вздохнул я, чувствуя приступ тошноты.

— Поесть надо, — безапелляционно сказала Джей и удалилась.

— Она тебя почти из-под глюка вытащила, пока мы все на песке валялись, — сказал Хмурый, и я поглядел вслед этой хрупкой девушке с уважением.

— Она услышала, что наш поезд застрял, — решила меня встретить, — продолжил Хмурый. — Совсем очумела, по Ржавкам шляться... Эх... — он вздохнул, — молодость...

Вернулась дочь Хмурого, за которой торопливо шагал полковник. Джей поставила передо мной миску с бобовой похлеб-

кой, от которой шел ароматный запах, да такой, что тошнота враз прошла.

Полковник подошел и крепко сжал мне здоровое плечо.

— Привет, — сказал он, заглянув мне в глаза. И это было единственное слово, сказанное им.

— Привет, — ответил я, взяв горячую алюминиевую ложку и принимаясь за еду.

Мы находились в одной из многочисленных пещер Ломтя Сыра, оборудованной Охотниками местных кланов под убежище. Отряд Джей подоспел вовремя: когда улетели «Гепарды», багровый глюк и не собирался уходить — он сожрал двух шахтеров и почти подобрался к столу с лежащими без сознания людьми. Я валялся ближе всех, так как отрубился в попытке противостоять ему. Благо Охотники были опытные и кто-то из них смекнул, что по этому глюку можно шарахнуть из микроволновой пушки. И благо она у них была портативная — не пришлось устанавливать. Глюку это не понравилось, и он ушел. Ушел, унеся с собой жизни Йоргена, Сибиллы и еще двух человек...

Азиз и Дронова предпочли уехать с поездом, чтобы затеряться в Лихоторо, — и я не винил их за это. Напротив — я предпочел бы сейчас остаться совсем один, чтобы ни одна живая душа не видела меня в таком дерьмовом состоянии... Я хотел окаменеть, как Ирина в моем видении, спрятаться, закопаться под землю...

Одно можно было сказать точно — группа «кси-516» окончила свое существование, как ей это на роду было написано... Нет Охотников, не стало гида... Оставались, конечно, полковник и Аюми, но... Я чувствовал, что меня тоже нет... Давно мне не было настолько безразличным присутствие нормальных доброжелательных и сильных людей, к которым я так всегда стремился...

Я провалялся в пещере почти сутки, спасибо заботам Хмурого, Джей, Аюми и полковника: они кололи мне нейролептики, витамины и вливали в рот дорожущее красное вино для нейтрализации радионуклидов после атаки глюка. Все сошлись во мнении, что встреча с этим типом глюков чаще всего оканчивается летальным исходом. Только появление отряда Джей, желающей встретить Хмурого, смогло спасти ситуацию хоть как-то.

Я был благодарен за помощь... Благодарен и в то же время безразличен — несмотря на такую человеческую заботу и под-

держку, я давно не чувствовал себя ТАК одиноко на Марсе. Даже не так... Не одиноко: пусто и бессмысленно... Я вяло реагировал, больше молчал, что на меня совсем не похоже. И даже не от боли или душевных мук, а просто потому что говорить было лень и по большому счету не о чем.

Молчал полковник, почти молчал и Хмурый. Аюми старалась говорить со мной о разных позитивных вещах, но я чувствовал, что ей самой тяжело от всего, что на нас обрушилось.

Только Джей была невозмутимой и, казалось, не замечала тягостной атмосферы в убежище, а я даже и не пытался ее развеять. Она расспрашивала меня аккуратно, часто добавляя к своим вопросам: «Не хочешь — не говори». Я был благодарен ей за то, что она позволяла мне молчать, рассказывая про местные события, описывая интересные рейды. По вечерам мы пили разбавленный спирт, слушали музыку, и Джей расспрашивала меня про жизнь на Земле. Эта тема меня уже совсем не трогала, и мне было легко говорить про это. Я удивлялся, как в такой молодой и хрупкой девушке сочетается некая угловатость и сила с тактичностью и мягкостью — чувствовалось, что Хмурый был хорошим отцом, хоть, по его собственному признанию, дочь видел редко.

Я, как мог, оттягивал тот момент, когда придется решать — а что я буду делать дальше? Я не представлял, где искать Ирину, да и захочет ли она, чтобы я ее нашел? Жива ли она? Я даже думать об этом боялся... Я напоминал сам себе прибор с перегоревшими предохранителями, который просто перестал работать...

Вулкан Олимп — гигантский объект, и чтобы облазить его вдоль и поперек, уйдут годы. Я попытался связаться со станцией, но частоту, на которой шла трансляция нашего шоу, уже сменили, а Диего на связь не выходил — и, как я понимал, не без причины. Сеть просто захлебывалась в течение пяти дней рассказами, комментариями и различными небылицами про меня, нашу группу и происшествие в долине. На моей трансляции было сорвано море денег. Меня обвиняли в цинизме, безжалостном обращении с ни в чем не повинными людьми. На меня насыпалось столько мусора, что даже Управление внешней разведки Марса не отвечало мне по закодированному каналу — все словно исчезли. И у меня не осталось ни капли сожаления об этом...

Хмурый сам подсказал мне оправдание, и я был ему за это благодарен: он сказал, что, пока кипеж не уляжется, лучше мне

залечь на дно. Сам он договорился с Машинистами, будто пришлось вернуться на Дохлого Льва по причине заболевшей племянницы, куда он с дочерью и поехал.

Кончился задор, выгорел запал — смысл развеялся прахом по треклятым пустыням этой чертовой планеты...

Я чувствовал даже некое облегчение от того, что остался один: теперь не надо ни за кого волноваться, не надо бороться с невидимым врагом, — а раскрытого разведчика-внештатника легко спишут в утиль кадровой выгребной ямы, да так, что и не вспомнят о нем никогда... Даже и пулю не потратят... Вот и все... Такой вот конец... Целую, жду писем... Прощайте...

Спать — это очень страшно... Это как прыжок в пропасть: увидишь там черную пустоту бездны — или же тебе покажут коктейль из собственных мыслей? Цирк уродцев, танцующих фокстрот под расстроившееся механическое пианино? Я не сплю уже четверо суток, и, честно говоря, не тянет.

А бывает, что какой-нибудь человек, с кровавыми дырами вместо глаз, обернется и скажет что-то... Или просто замычит... Мороз пробирает. Неуютно... Голодно...

Марс имеет плоскую форму диска в силу своей необычности, поэтому и привлекает разведки разных стран.

Все идет своим чередом: спирт, стимуляторы, несколько треков какого-нибудь старья типа «Джуно Реактор», или иногда Йорген просит поставить какой-нибудь тяжеляк. Они долго спорят с Сибиллой, потом сходятся на чем-то одном, и мы слушаем музыку вместе. Я обычно сижу на каменном уступе, над входом в убежище. Он напоминает мне ладонь.

Ровно в семь утра мы встречаем красный блин солнышка: датчики уже с пяти начинают трещать, но нам с Йоргеном это нравится — только Сибилла иногда ворчит... В семь пятнадцать приходит Джей и ведет меня завтракать. Йорген с Сибиллой не ходят почему-то с нами — не знаю, где уж они там едят... Йорген сказал, что они охотятся, а Сибилла ни с того ни с сего прыснула со смеху... Странно они себя ведут...

Но с другой стороны, я понимаю, что каждый сейчас поддерживает себя по-своему, и винить кого-то в этом грех. Когда в последний раз, кажется позавчера, к нам на уступ убежища заглянул дядя Сатана, он так и сказал мне: ты, говорит, Странный, к людям относишься предвзято, по себе судишь! Так, го-

ворит, судить нельзя, как ты! Не суди — и не посадят! Так и сказал.

А Йорген стал с ним спорить, меня защищал — говорил, что у нас, Рыцарей Автомата и Батареек, принято быть друг к другу требовательными! Это наш кодекс, мол, и не волнует! А Сибилла сказала, что нельзя нам сейчас спорить и ссориться, потому что демоны слышат наши разговоры, используя флуктуацию нейтринного поля, и как только поймут, что разлад в рядах, так это... Нападут на нас.

Тут все так загалдели, заспорили — про ангелов всяких, про демонов, — на шум вышла Джей и спросила — чего мы кричим? Я объяснил и, пользуясь случаем, поблагодарил всех за поддержку и участие! Все захлопали в ладоши, а Сатана сказал:

— Мы нуждаемся в продолжении ваших поисков, сэр Странный! Ваши преданные эскайры готовы следовать за вами, а я уговорю магов вулкана, чтобы они оказали вам поддержку!

— А Йорген с земли Ксанфа и Сибилла из Одиссея будут вашими незримыми попутчиками, — сказала Джей.

Я поклонился с достоинством и ответил.

— Честь, — сказал я, — это все, что у меня осталось, после того как войска Мордред в союзе с подлыми Саксонцами разрушили Камелот... Луций Арторий Каст потерял свою конницу, а Марк Юний погиб при Филиппах! Но! Мой Эскалибур¹ до сих пор так же разит врагов! И я... Да, я отправлюсь...

— Да здравствует сэр Дэн Странный! — прокричали все.

— Одно лишь днесь омрачает мое чело, — нахмурился я. — Пропал мой боевой конь, и... Я не вижу здесь леди Ирины... Где она, Аид?

— Она... — Он замылся. — Она... вон там...

Сатана указал на соседнюю гору, где стояла глыба черного кварцита, часть которой напоминала женскую фигуру по пояс. Фигура застыла в движении, словно пыталась отделиться от камня.

¹ М о р д р е д — незаконно рожденный сын короля Артура (возможно, племянник), восставший против него и ставший причиной последней битвы Артура. Мордред погиб, пронзенный копьем отца, но и сам смертельно ранил короля. Л у ц и у с А р т о р и у с К а с т у с — римский военачальник, возглавлявший вспомогательное кавалерийское подразделение Легиона VI Виктрикс. Его имя Арториус созвучно имени Артур, что и послужило основанием для версии о прототипе самого легендарного короля. М а р к Ю н и й Б р у т — первый консул при Цезаре, стал главой заговора против императора. Э с к а л и б у р — легендарный меч короля Артура.

— Боги милосердные. — У меня все похолодело внутри. — Ее заколдовали! Она шла ко мне, но какой-то мерзавец наслал на нее чары!!! Кто посмел?!!

— Господин мой, — поклонился Сатана, — я сделаю все, чтобы узнать имя этого негодяя, не извольте беспокоиться. Он ее заколдовал — он и расколдует!

— Какой мерзавец... — прошептал я. В глазах моих потемнело.

Вдруг я увидел, как меж скалистых холмов к нам приближаются какие-то люди.

Одеты они были в длинные оранжевые одежды с черным подбоем. Когда они приблизились, к ним подошла Джей.

— Я не знаю, сможете ли вы что-то сделать. Медикаментозный курс не помог, да и специалистов по психопатологии у нас нет...

— Мы попробуем, — сказал первый из них, сложив ладони перед лицом и поклонившись девушке.

Один из них взял железнодорожный костыль и начертил на земле круг, а другой вытащил из заплечного мешка какой-то прибор с антенной и начал его настраивать.

— Кто эти люди? — спросил я у Джей.

— Это монахи, которых прислал тебе Мерлин, — ответила она. — Тебе нужно пройти один ритуал для защиты от демонов.

— Старик не забыл про меня. — На мои глаза навернулись скупые слезы. — Я готов!

— Ложись в круг, Странный, — сказала Джей.

Я повиновался. Монахи уселись в круг и затянули низкими голосами какую-то мантру...

Глаза мои закатились, будто я очень хотел спать, а от хорошего гудения монахов на низкой ноте в груди возникла приятная вибрация, хотя, возможно, источником этого эйфорического ощущения была маленькая коробочка со светящимися огоньками и железной сеткой сверху...

Все дальнейшие звуки и события я воспринимал словно издали, сквозь ватную темно-розовую стену. Наверное, я уснул, просто не до конца...

— Мы возьмем его с собой, Джей Джокер...

— Он оклемается? Скажите! Это насовсем?

— Надеюсь, что нет: некоторые мозговые центры, участки подкорки повреждены, я пока не понял, как сильно, но его

энергия ци¹ довольно мощна и, как показал полевой резонатор, имеет необычный рисунок... Это Пастух Глюков?

— Да, это Станный...

— Ну... не знаю — подобные люди обладают высокой восприимчивостью...

— Он станет овощем? Господи...

— Я не могу сейчас сказать... Я сделаю... Мы с братьями сделаем все возможное...

— Я заплачу, сколько необходимо...

— Нет необходимости, Джей Джокер, мы знаем тебя и твоего отца. Наши братья пользуются услугами Железнодорожников, и вы никогда не отказывали нам... А к тому же нам интересно и приятно помочь такому человеку, как Станный... Он необычный...

— Да, я заметила... Можно его навещать?

— Я думаю, что сола через три... Мы должны показать его псионику... Провести полную диагностику...

— Через три сола я приду к *подножию Горы*², Ши Ян...

— Мы будем ждать вас...

— А мы будем ждать не только встречи, но и хороших новостей...

— Надеюсь, они не замедлят с прибытием... Кладите его на носилки, братья... Пойдем домой...

Теперь я жил в уютной пещере на территории монастыря — так мне говорили люди в оранжевых одеждах. Правда, уют пещеры я заметил и сам...

Два раза в день молоденькая девочка лет пятнадцати приносила мне миску гречишной лапши и кувшин верблюжьего молока.

Иногда приходили монахи, которые начинали меня рас-

¹ Ци, иногда чи — основная концепция в традиционной китайской культуре и философии, чаще всего определяемая как «воздух», или «дыхание», или, в более широком смысле, «жизненная (психическая) энергия (сила)», пронизывающая все мироздание. Согласно китайской медицине, ци циркулирует в теле человека по меридианам, которые соединяют внутренние хранилища ци. Воздействием на меридианы можно изменить циркуляцию ци и тем самым вызвать физиологические изменения в человеческом теле. Такого рода воздействия нашли широкое применение в акупунктуре и боевых искусствах.

² Подножие Горы — Суншань (*кит.*) — это гора, на которой в Китае стоит храм Шаолинь, известный своей духовной культурой и восточными единоборствами. В данном случае намек на Шаолинь сочетается с отсылкой к самому повествованию: имеется в виду и подножие вулкана Олимп на Марсе.

смаковать, задавать мне всякие вопросы, после чего они говорили меж собой и удалялись... Приходила Джей с Хмурым, полковником и Аюми. Мы гуляли в монастырском саду меж ноздреватых камней, увитых плющом, настоящих карликовых елок и беседок в виде неглубоких гротов. Это было так здорово... Но приходили они редко — не каждый день, а одному было гулять скучно, потому что и в пещере я чувствовал, как мне хорошо.

Йорген с Сибиллой перестали приходить ко мне, и от этого было немного грустно...

Изредка у меня появлялся один человек с черной косичкой на выбритой голове и начинал делать вокруг меня всякие плавные движения, кивая мне и приговаривая с акцентом: «Ти тожа, ти тожа»...

Я начинал повторять эти движения за ним. Несмотря на то что движения и его команды казались мне лишёнными всякого смысла, я выполнял их, и они завораживали своей плавностью, красивым рисунком и приятными образами. Сначала я должен был на несколько ударов пульса задерживать дыхание, а потом на выдохе со сжатыми губами нараспев произносить звук «а-а-а». От этого в горле и груди начиналась приятная вибрация. Потом нужно было почувствовать пульс на пальцах и в центре ладони. Когда эти пульсы сливались, в руке появлялось приятное ощущение тепла и тяжести. Я начинал видеть в своих ладонях золотистые сверкающие шары, напоминающие глюки, — это мне нравилось. Несколько раз мне казалось, что от моего лба к ладоням бьёт яркий свет, и становилось очень спокойно и хорошо. Иногда человек смеялся и кивал, а иногда виновато улыбался и, взяв меня за руку, жестами и парой фраз повторял, что я должен почувствовать или сделать, — мы почти не разговаривали, и это было самое приятное.

Порою мне в тело втыкали тоненькие серебряные иголки — много-много иголочек, но было совсем не больно, только приходилось сидеть неподвижно...

Джей мне тоже нравилась — она часто смеялась и рассказывала веселые истории, и я удивлялся: откуда она столько знает?

День шел за днем, и моя душа наполнялась сладостным спокойствием и умиротворением. Иногда чувствовал в затылке легкое онемение. Тогда я выходил наружу и залезал на монастырскую стену, нависающую над глубокой пропастью, которая терялась в темноте ущелья. Я долго смотрел туда, ничего не думая, наслаждаясь пустотой, тишиной и покоем. Правда, все-

гда было ощущение, что кто-то за мной наблюдает сзади. Сколько ни оборачивался — я всегда видел кусок монастырского двора, на котором высилась небольшая молельня, примыкающая к сараям, где монахи хранили лопаты, культиваторы и прочий фермерский хлам. Двор был пуст, а над мощенной камнями площадкой, одиноко мерцая, горел фонарь, тихо потрескивая лопастями ветрового генератора. И ни души... Почему-то такие ощущения взгляда не вызывали во мне тревоги или волнения, и я продолжал любоваться каменным разломом пропасти или же подолгу изучал громаду вздыбившейся стены Олимпа, теряющуюся в низких ночных облаках.

Когда онемение в затылке проходило, я возвращался в свою пещеру в подножии скалы и ложился на плетеный коврик, на который были набросаны старые ватники.

Я закрывал глаза и представлял себе, что у меня отрастают на руках перья, как у юварка, и я, взлетев над пропастью, приближаюсь к Олимпу. Я долго кружу над его вздыбленными вулканическим туфом склонами и внимательно разглядываю их. Я ишу...

Правда, чего я ишу, я и сам не знаю: будь я птицей — искал бы зерна или червей, но юварки не едят червей... Так, по крайней мере, мне кажется...

Пробовал фотографировать горы на КПК, но снимки даже после обработки получаются какими-то блеклыми.

Иногда я для разнообразия смотрю на север, откуда бывает свежий прохладный ветер, — там, среди зубчатого узора горных вершин, видно сияние огней далекого города. И абсолютно непонятная вещь: меня тянет туда, но я совершенно точно знаю, что мне не понравится в этом месте. Нет опасности или же страха — просто это место хочется обогнуть стороной.

Порою я замечаю в сиреневых ночных сумерках слегка вытянутые шарообразные силуэты с раскинутыми по бокам крыльями парусов, медленно плывущие в течении ветра, — это монгольфьеры. Я не помню, что означает это слово, но точно знаю, что звучит оно так, и говорят его про такие вот штуки...

Город — источник непонятных звуков: то слышно долгий тоскливый гул на низких нотах, то резкие хлопки, то стальной стук с легким эхом. Но эти звуки очень далеки и доносятся редко, когда ветер дует с северной стороны. Вместо свежести он приносит изредка запахи, настолько дразнящие, насколько и отталкивающие... От этого я замираю и долго приноживаюсь, пока не перестаю чувствовать постороннее...

Все равно я неизменно возвращаюсь в пещеру, на плетеный коврик с ватниками, и продолжаю парить над огромным каменным пузырем древнего вулкана... Парить, пока не засну, то есть не провалюсь в тихую черную пустоту «зэт»-измерения...

Сегодня в обед ко мне пришли друзья — Джей, Хмурый, полковник и Аюми. Настроение у меня стало взбудораженным и веселым: еще бы! Это бывает нечасто! Йорген с Сибиллой, правда, совсем перестали приходить, но я не обижался: Охотники люди свободные, как ветер, — нынче здесь, завтра там...

Друзья сперва побеседовали с монахами, потом мы вместе с ними сели пить вкусный чай со сладкими лепешками. Потом, как обычно, гуляли по саду.

Через некоторое время друзья стали собираться домой, и как я ни уговаривал их остаться здесь, они не соглашались. Я никак не мог понять — разве может у них быть лучше, чем здесь?

Я попросил у полковника сигарету, тот зачем-то спросил разрешения у монаха, который коротко кивнул.

Я закурил и пошел проводить моих друзей. Они вывели своих верблюдов, и мы вышли за ворота монастыря, на длинную, уходящую вниз дорогу, которая вела в их поселок.

— Ну, Дэн, поправляйся, — сказал полковник, хлопнув меня по плечу.

— А я и не болел. — Я удивленно улыбнулся его странной шутке. — Ну разве что на прошлой неделе был у меня небольшой насморк. Продуло на монастырской стене. Так настоятель напоил каким-то отваром — мне и полегчало к вечеру...

— Это хорошо, — кивнул Хмурый, — а то болеть сейчас некогда, скоро осень...

И вдруг я заметил на дороге какой-то угловатый покачивающийся силуэт. Через некоторое время стало понятно, что это верблюд без всадника. Белый верблюд, перепачканный и довольно уставший на вид.

Неожиданно он задрал голову, радостно загалкал и припустил мелкой рысью.

Не знаю, отчего у меня возникла такая мысль, но я был абсолютно уверен, что верблюд ищет меня...

Он подбежал ко мне, ткнулся горячим и влажным носом мне в шею и тяжело вздохнул, совсем как человек, который устал, но чувствует облегчение от своей находки.

— Ишь ты, — удивился Хмурый, — верблюд-альбинос! Редкий зверь! Откуда, Странный, он тебя знает? Где-то я такого видел...

И тут... при этих словах... Вернее, именно от этих слов... Будто эффект дежавю... Казалось, что в моей голове зажегся тысячеваттный прожектор! Стало светло, словно в пылающий радиоактивный полдень, который осветил все горы и долины вокруг... Я вспомнил столько всего... буквально в считанные секунды!

...Белый верблюд... Оранжевый комбез... Ирина... Олимп... Крис...

Меня всего трясло, когда я потрепал альбиноса по шее и он довольно фыркнул. Мое сердце колотилось, как дизельный поршень. Я стоял в некоем смятении, абсолютно не понимая, что я здесь делаю и как я смог потерять столько дней, тупо глядя на соседние скалы и на тот самый Олимп, по которому я должен лезть, ползти... Следующее мое действие произошло само собой, как бы рефлекторно — я ухватился за упряжь и тут же вскочил в седло верблюда, который радостно задрал шею, танцуя на месте.

— Дэн! — воскликнула Аюми. — Это... Э-э-э-э-э... Это верблюд...

— Попросите, пожалуйста, принести мне мои вещи и оружие, — сказал я как можно спокойнее.

— Странный, но...

— Джей, прошу тебя, — сказал я, обращаясь к дочке Хмурого с мольбой. — Мне срочно нужно ехать!

— Странный, а как же... — начал было полковник, но осекся, глядя на меня.

Некоторое время Хмурый молча и изучающе разглядывал меня, потом так же молча кивнул и скрылся в воротах.

Через какое-то время, которое все провели в молчании, вышло семеро монахов во главе с настоятелем. Двое подошли ко мне, протянув мне сперва рюкзак, потом автомат, патроны, гранаты...

Я с некоторым наслаждением узнавал свои полузабытые вещи, цепляя, пристегивая, вешая, завязывая...

— Мы положили тебе еды и воды, Странный. — Седоватая борода настоятеля колыхалась на ветру, а блеклые серые глаза со скрытой улыбкой глядели на меня.

— Спасибо вам, что не бросили, — сказал я. — Спасибо, что помогли. Спасибо, что возились со мной. Спасибо вам всем...

— Не за что, — кивнул Хмурый, как обычно нахмурясь, а настоятель слегка поклонился...

— Простите, что уезжаю вот так... — я замялся, — по-дурачки... Но... Поймите, я потерял время... Мне надо... Мне очень надо ехать...

— Мы все понимаем, — кивнула Джей. — Ты же Странный...

— Держи хвост пистолетом, Дэн! — сказал полковник, подняв вверх правую руку. — Мы бы поехали с тобой, но, боюсь, будем для тебя только обузой...

— Обузой-то не будете, — вздохнул я, пытаюсь прийти в себя. — Но... Лучше я один... Всем пока, еще раз спасибо. Я хочу вас всех увидеть, я вернусь. Оставьте монахам ваши координаты, если куда соберетесь...

— До свиданья, Странный, сайонара... — Аюми слегка наклонила голову. — С тобой все будет хорошо.

— Ступай с Богом, сынок, — кивнул полковник.

Я развернул альбиноса на дорогу.

— Постой, — крикнула Джей.

Она уже села в седло своего верблюда и подъехала ко мне.

— Если будут проблемы, возвращайся, мы поможем, — сказала она.

— Спасибо тебе, Джей, — я улыбнулся, — буду иметь в виду.

Она вдруг резко наклонилась ко мне и быстро поцеловала меня в щеку.

— Удачи тебе, Пастух Глюков. — Она подняла руку в прощальном жесте.

— И вам всем. — Я грустно улыбнулся, затем, нахлобучив кислородную маску на лицо, дал шенкелей и поскакал вниз по дороге...

Несколько часов я гнал бедного альбиноса среди камней, скал и ущелий как ракету, изредка сверяясь по карте на КПК. Потом спохватился и перешел на шаг: в мои задачи вовсе не входило уморить Ирениного дромадера.

Правда, сам он почти не противился этой гонке — мне казалось, что он ждет встречи со своей наездницей так же сильно, как и я.

Все происшедшее было так внезапно... Меня подняла волна такого эмоционального тайфуна, что я только сейчас стал задумываться: а что я, собственно, собираюсь делать?

Я весьма слабо представлял себе свои планы — эта бешеная скачка немного привела меня в чувство. Мне казалось, что чем быстрее я еду, тем лучше... Словно скорость могла решить все проблемы... Да... Один... Опять один... От этого становилось и приятно и тревожно, и одновременно это будоражило меня, заставляя стискивать зубы. Как я мог провалиться в этой дыре в состоянии разумного помидора? Где были мои мозги???

Конечно же, как ни крути, придется ехать в Лихоторо, хоть это и не самый лучший вариант развития сюжета... Я был полон решимости поставить тамошнюю публику на уши и выяснить все, что можно, про загадочную базу, про звено «Гепардов» и про прибытие поезда... Блин сушеный...

Собиравшийся помочь мне Азиз просто-напросто свалил со своей подругой Дроновой... У Хмурого надо было спросить координаты того Машиниста, на которого он оставил состав... Эх...

Был в городе один человек, но насколько он сможет мне помочь?

Я закурил, задумчиво глядя на каменистую пыльную дорогу, которая прижималась вплотную к обрывистой невысокой скале. Слева же от нее простиралась долина, покрытая валунами, — таких пейзажей здесь навалом...

Одно мне было не очень привычно — чернильно-темные ночные тени от скал. В разряженной атмосфере полутени почти стирались.

Кое-какие шевеления давешнего страха выползли наружу — некоторые выветренные камни имели форму человеческого силуэта. Подчас казалось, что эти фигуры замерли напряженно, со вскинутым в руках стволом, а иногда и вовсе напоминали зверей или вообще непонятно что.

Даже фосфоресцирующие облака не могли внести в картинку ясности. Изредка во мраке мерцали бледные огоньки «мброков», или «морокóв». Так марсиане называли все, что светится в темноте, — от мха, насекомых или же глаз бродячих церберов до болотных газов или глюков пустынь...

Я не горел желанием изучать все это именно сейчас. Альбинос иногда начинал дрожать всем телом, храпел и фыркал, особенно если раздавался вой бродячих собак или другие подозрительные звуки.

Я даже захлопнул забрало шлема, чтобы ветер, который гулял меж скал, не свистел в ушах и в мозгу.

Мне пришлось на ум, что я так и не узнал, как Ирина называ-

ла своего верблюда. Это обстоятельство почему-то меня раздосадовало. Где остался мой Чемба? Как альбинос смог сбежать? Наверное, с вокзала в Лихоторо — учитывая, что расстояние здесь небольшое, а мой запах он запомнил, не так уж удивительно, что нашел именно меня...

Да... Я был ему благодарен за это — говорят, что верблюды чувствуют людей, и было тому множество подтверждений. Я, несмотря на весь багаж эрудиции, решил назвать его по-простому — «Белым».

Ехали мы медленно, я вновь открывал забрало — экран мешал мне видеть. Потом опять захлопывал, чтобы не гудел ветер. Я нервничал — даже сигарету держал в кулаке, дабы не видно было огонька.

Наконец стена скалы стала поворачивать к северу. Автомат я держал на изготовку и внезапно вздрогнул, едва не надавив на курок: меж двух вросших друг в друга выветренных глыб в темноте сверкнули розоватой вспышкой два огонька. Я повернулся в седле влево, придержав Белого, но это оказался всего лишь одинокий цербер, который пробежал мимо нас, оборачиваясь и неодобрительно порывкивая. Он и сам, бедняга, испугался встречи с нами... Хотя совсем недавно меня едва не разорвала стая таких вот «бедняг», и не появившись вовремя Лайла... Да... Любопытно — что с этой женщиной? Осталась ли она на Горной-6? Завербовалась она на новую работу или продолжает трудиться на «Пантеон»? Насчет последнего я сомневался — ее связь с Дарби была бы плохой рекомендацией для профессионала... Да и про Криса теперь все, кому надо, знают... У меня почему-то было ощущение, что с ней-то уж точно все в порядке... А как, интересно, поживает наш проповедник Аурелиано? Предаются ли Азиз с Дроновой радостям комфортной и безопасной жизни в Лихоторо? Или же Азиз продолжает вести свою игру? Если так, то ему необходимо было завербовать пани Аиду: зная ее характер, я понимал, что, когда она узнала, кто он, Азиз от нее иначе не избавится, если, конечно не решит просто сбежать или ликвидировать ее как свидетеля... Да и не Азиз он вовсе никакой... Помощничек нашелся на мою задницу, ядрена корень... На «Изумруде»-то он мне и правда сильно помог — не будь его, не знаю, чем бы кончилась наша вечеринка с Джо Вэндерсом... Да и выбор Вэндерсом кандидатов на расстрел многое прояснял — наняли его, видать, ренегаты, которые были в курсе, что в группе есть сотрудник службы безопасности «Пантеона». Только вот непонятно: почему Крис не

грохнул Азиза, а ограничился только бедным итальянцем? Наверное, Крис хотел напугать своего предполагаемого противника, а раскрыть сам себя должен был в самом крайнем случае. Я так понял, что стиль психологического давления — это его конек. Да и учитывая количество секретных сотрудников на душу населения в нашей группе, было где запутаться в предположениях.

Резко крикнула какая-то птица, и я вновь замер, обшаривая камни в режиме инфрасканера и включив внешние микрофоны на полную мощность. К счастью, ничего, кроме попискивания скальных летучих мышей, не услышал.

Вновь я погрузился в раздумья, чтобы отвлечься от своих тревог и мрачного состояния.

Все более-менее выстраивалось в цепочку...

Одно мне было непонятно — роль во всем этом прекрасной кореянки-француженки, которая так убедительно разыграла влюбленность в финальной сцене, — я не особо верил ее чувствам, но... С ней было вообще все гораздо сложнее: на кого она работала? Связана ли была она хоть с одним из сексотов¹ нашей группы? И если да, то почему бегала от Криса к Дарби, а потом с вертолета в пустоту? А если была цель, то опять же на кого она работала? На «хороших» или на «плохих»? Дарби-то она предала за-ради меня или нет? Но Дарби оказался в результате вообще представителем «третьей силы»...

Увязать в голове всю эту чехарду событий и мотивов разных людей я мог только с учетом одной вещи: я лишний раз убедился в том, что даже в такой элитной и профессиональной организации, как «Пантеон», царят глобальный бардак и несогласованность, скорее всего, именно в силу этой самой своей засекреченности и таинственности. Каждый же, синея от натуги, пытается выполнить свой приказ, не успевая за сменой идей руководства и изменением ситуации на месте... Даже Дарби сказал, что бой с танками у Башни был случайностью, хотя наш захват паладинами — продуманный план. Хорошенькая случайность, когда жизнь такой важной фигуры, как Ирина, несколько раз висела на волоске... Да и непонятным был тот танк, который стоял во дворе котельной, будто бы охраняя группу в придачу к бандитам. Почему он не принимал участия в бою, а потом просто-напросто «ушел» куда-то по своим делам? То ли эта танковая атака была все же ради нашего захвата,

¹ Секретный сотрудник.

просто ребята перестарались, то ли пилот последней машины работал на другую сторону? Мне этого было не понять, да я и не особо стремился...

Честно говоря, меня во всей этой ситуации одинаково раздражали и «плохие» и «хорошие». Так уж повелось издавна — цель оправдывает средства ее достижения... И самым главным идиотом в данной ситуации был я, которого внешняя разведка Марса прикрепила к этой группе в качестве наблюдателя за предполагаемым агентом земной разведки, о котором было почти ничего не известно. Не берусь даже предполагать, знало ли мое руководство истинное положение вещей: главное, что его не знал я. Конкретных приказов я не имел, кроме как докладывать о подозрительных событиях, которых у нас было как на собаке блох.

При первом же моем упоминании про «Зеркало-13», после беседы с покойным Джованни, руководство выразило недовольство тем, что я, по их мнению, занимаюсь этнографией и фольклором, вместо того чтобы серьезно работать... Когда же я сообщил о странном поведении глюка в районе «Изумруда», который словно гнал нас в засаду, мне вообще предложили пройти курс интенсивной терапии или же, на выбор, перестать маяться дурью... Я и перестал... то есть начал докладывать реже и только скупую фактическую информацию, на которую следовали не менее скупые и ни к чему не обязывающие комментарии начальства. Вот такой я суперагент... А после НИИ «Эол» я вообще перестал выходить на связь в условленное время, так как просто не представлял, как это все рассказать... Да и смысла не видел, начав уже всерьез опасаться за благополучие Ирины... Будь я «штатником», мне грозили бы за это крупные неприятности...

Но чувство долга сильно притупилось у меня еще после Башни... Только перед тремя людьми мне было смертельно стыдно: перед Ириной, которую я не смог защитить, и перед Йоргеном с Сибиллой, которые погибли из-за меня... Конечно, оставались еще полковник, Дронова и Аюми, смотрящиеся просто белыми воронами на фоне этой шайки разведчиков, но... Я не уверен, что смогу себе простить смерть близких и дорогих мне Охотников... Я был совсем не уверен в этом... И Ирина... Если бы не моя лихорадочная жажда деятельности, я бы сейчас просто бился в истерике и слезах — такую горечь внутри чувствовал... Странно, что мой мозг так быстро пришел в себя

от шока... Говорят, он у меня необычный... А по мне — так... Ох, как же все это...

Небольшая жажда мести (я очень хотел пристрелить Паттерсона), небольшое чувство долга (которое все же осталось) и огромная буря чувств (которая тянула меня к Ирине) — вот тот щит, спасающий меня сейчас от шквальной депрессии...

Когда я повертел по сторонам головой, продолжая изучать местность в инфракрасном режиме, мне показалось на секунду, что на одном из утесов тускло светится бордово-коричневая точка, напоминающая фигуру человека! Так, если бы кто-то стоял в маскхалате на фоне очень холодного камня.

Я резко развернул голову в том направлении: точка, вернее, пятно действительно напоминало фигуру стоящего на скале человека...

Я ударил Белого по бокам и, развернув поводья в ту сторону, съехал с тропы, лавируя между каменными столбами. Буквально через полминуты, когда я вновь выехал на относительно открытое пространство, пятна уже не было.

Приметив тот утес, я галопом понесся туда, еле маневрируя в каменных лабиринтах Ломтя Сыра. Мысленно я крыл себя отборными ругательствами: не надо было так резко реагировать на увиденное. Нормальный Охотник не показал бы виду, что заметил кого-то, и под прикрытием камней подъехал бы поближе...

Но я уже давно не был нормальным Охотником — я стал густком пульсирующих нервов!

Битых полчаса я уютжил эти чертовы скалы. Белый явно не одобрял моих действий, фыркая и вздрагивая, когда на его светлую шкуру пытались приземлиться летучие мыши.

Наконец я спрыгнул с седла и начал изучать каменистую землю с редкими наносами песка, но, кроме помета церберов и мышей, следов верблюдов и вышеуказанных собак, ничего не увидел. Ни дымка, ни окурка, ни свежесковырянных пород на пирамидальном утесе.

Но то ли от недавнего стресса, то ли от паранойи, или же так обострились мои инстинкты — я затылком чувствовал чье-то пристальное внимание. Меня это пугало и будоражило одновременно — я вошел в азарт преследователя.

Не знаю, долго бы я ползал в этом «священном безумии» по сухопутным фьордам, но тут Белый испуганно тьякнул, и тут же я услышал многоголосый хриплый лай. Из разлома в скале вылезла облезлая серая сука о двух головах, надрывающаяся

отчаянным хриплым гавканьем, переходящим в глухое рычание. Глаза на одной ее голове, той, что поменьше, были затянуты бельмами, а из пасти беспомощно свисал рваный язык. Зато вторая голова выглядела вполне устрашающе, щерясь пастью с кинжалообразными клыками, торчащими из пегой десны.

Видно, я потревожил собаچه гнездо, а это было опасно, так как оно могло быть и с выводком. Если она защищала потомство, то разумнее было сбежать, особенно учитывая, что на отдававшийся эхом в жуткой тишине лай стали отвечать другие собаки, находившиеся где-то неподалеку.

Плюнув в сердцах, я вскочил в седло уже собравшегося бежать Белого, и даже шенкелей давать ему не пришлось — он перешел в бодрую рысь, довольно профессионально огибая препятствия без всякой моей помощи...

Долго еще далеким эхом раздавался лай потревоженных псов, а я взял себя в руки, продолжив курить, размышлять и вертеть головой по сторонам...

Когда тропа протиснулась между двумя черными скалами, напоминающими два утюга, стоящие друг напротив друга, я уловил шорох камней, осыпающихся со склона. Я вздрогнул...

И тут тишину прорезал дикий гортанный выкрик.

Дав Белому по бокам, я заметил краем глаза, как из-за каменных наростов на скалах выскакивают темные силуэты людей и с проворностью мухи быстро спускаются вниз, словно не замечая бугристых неровностей на выветренной вулканической породе. Фигуры двигались с фантастической ловкостью обезьян.

Я примерно догадался про дальнейшее развитие событий и вскинул автомат, захлопнув забрало шлема бронированным светофильтром.

В конце прохода появились очертания шести или семи всадников, преграждающих мне дорогу.

Я осадил Белого и, поняв, что попался, поехал вперед шагом, держа автомат наготове.

Боже милосердный! Это было зрелище... Давно я не видал такого, разве что в рейде по Элизии, под Собачьей Грязью¹.

Их было семеро, но посчитать я смог не сразу, поскольку

¹ Собачья Грязь, Болото Цербера — местность на планете Марс с координатами 5,64° северной широты и 147,90° восточной долготы.

взгляд постоянно блуждал по облику и одеждам этих, по всей вероятности, людей.

Их лица были сплошь татуированы и раскрашены фосфорной краской, делая их персонажами каких-то кошмарных снов. Некоторые из них имели на крыльях носа круглые дыры со вставленными в них железными болтиками типа гаек. Головы их были выбриты особым манером, так чтобы по верхней части шло что-то вроде гривы, оканчивающейся косичкой, в которую вплетали разный хлам вроде тонкой проволоки с разноцветной изоляцией. В щеках некоторых из них торчали болты, закрепленные гайками. Кое у кого на глазах красовались круглые очки для сварки.

Почти все были голыми по пояс, с кожей неопределенно-грязного цвета, а на плечах у них были накидки, сшитые из шкур церберов или же из каких-то невнятных лоскутков с подстежкой. Один из них был явно потомком кадавра, судя по бледной коже, отливающей голубоватым оттенком.

Целились в меня различным оружием — только у их главного был потертый карабин, а остальные были с остро отточенными арматурами, и у одного я с удивлением заметил гарпунное ружье для подводной охоты, невесть откуда взявшееся на Марсе.

Такое примитивное оружие не очень успокоило меня — я слышал от бывалых Охотников про то, что дикие кланы умеют метать ножи и копья ничуть не хуже юварков и к тому же обладают поразительной выносливостью.

На голове у предводителя этого жуткого отряда красовалась разрисованная военная каска, которую венчал человеческий череп без нижней челюсти.

И тут я похолодел, внезапно вспомнив байки, которые доводилось слышать про дикие кланы, или, как их иногда называли, песочных папуасов. Поговаривали, что в трудные моменты, когда есть у них становилось нечего, они включали в свое меню не только церберов или летучих мышей с варанами, но и не брезговали человеческим мясом, считая это чисто бытовой проблемой: особенно ценилось мясо чужаков, то есть тех, кто неплохо питался и вел более цивилизованный образ жизни.

Главный поднял руку вверх, и я похолодел — под комбезом выступил ледяной пот: рука была шестипалой. Это были так называемые Отверженные! Люди, рождающиеся с мутациями, которых часто выкидывали в пустыню из поселков и городов...

Теперь понятно, откуда здесь и родственник кадавра взялся... Клянусь всеми глюками Марса — влипнуть хуже было трудно, особенно мне, одиночке без отряда...

Я изо всех сил старался подавить малейшие поползновения страха, так как слышал о них еще и то, что подчас они обладают чуть ли не телепатическим чутьем... Той самой сверхэмпатией, которой вроде бы славился и я сам...

Я откинул забрало шлема, медленно подъехал к ним и остановился метрах в семи от жоака. Чтобы чувствовать себя увереннее, вынул сигарету и закурил, молча разглядывая их лица и стараясь не думать о том, сколько колюще-режущих предметов нацелено в меня со спины.

Всадник, сидящий справа от жоака, спрыгнул с седла и, подойдя ко мне вплотную, схватил Белого под уздцы. Альбиносу это явно не понравилось, он фыркнул, задрал голову, но тот могучей рукой опустил его шею на уровень своего лица и, приподняв ему щеки, некоторое время изучал зубы, потом коротко кивнул и вернулся к остальным, произнеся что-то негромко.

— Иди за мы, Гордокарне! — резко выкрикнул жоак, махнув мне шестипалой ладонью.

Мне сразу не понравилось это слово, потому что на их сленге это переводилось буквально как «сытое мясо».

Четверо всадников окружили меня по краям, а трое во главе с жоаком развернули своих верблюдов к выходу из ущелья. Я продолжал курить, делая невозмутимое лицо, и услышал, как сзади кто-то чихнул.

Немного утешало то, что меня не прибили на месте... Но... Откуда я знаю тонкости их кулинарии? Может, они сделают из меня отбивную возле чана с кипящей водой уже в лагере, чтобы мясо было мягче и свежее...

В общем, я изо всех сил старался не думать о плохом, а, наоборот, настраивал себя насмешливо и доброжелательно, пытаюсь одновременно представлять, будто окружен опасными глюками.

Так вот в некотором оцепенении я въехал в небольшую долину. Скалы по краям ее были изрыты пещерами, являющимися одновременно и жильем и укрепленными блокпостами. В проемах пещер мелькали в полной тишине разрисованные пестрые лица.

По левому краю долины, у самой скалы, виднелась стена в рост человека, сложенная из грубых нетесаных камней. В цен-

тре ее был проем, за которым можно было различить силуэты нескольких красочно разрисованных армейских палаток.

По краям прохода стояли двое часовых со стальными трубами в руках. Они разглядывали меня с нескрываемым любопытством, перемешанным с некоторым отвращением.

Перед самой большой палаткой, в разрезанной пополам железной бочке из-под топлива, горела промасленная ветошь — грелись несколько воинов.

Мы остановились, и предводитель отряда, спрыгнув с верблюда и бросив воинам у костра какое-то невнятное междометие, скрылся за пологом палатки, ловко пригнувшись.

Время потянулось медленно. Неприятно холодело в животе, но я немедленно брал себя в руки, пообещав себе просто так не соглашаться на ужин.

Наконец вожак с черепом на каске и карабином за плечами вылез наружу, а за ним вышел невысокий человек, одетый в относительно чистый лабораторный белый халат, по которому шли узоры на манер тех, что глюки вычерчивают на песках пустыни.

У человека на голове был шахтерский шлем с тускло светящимся фонарем. Лицо его было неприятно землистым и одутловатым, почти без рисунков, не считая двух круглых значков радиационной опасности по щекам.

Его круглые в розовых прожилках глаза вперились в меня, словно два горнопроходческих лазера, буравя меня насквозь.

Вдруг всадник, стоящий рядом со мной, резко толкнул меня в бок кулаком, да так, что я едва не упал с Белого.

Я понял, что таким образом мне дают понять, что неплохо бы мне слезть на землю.

Я подчинился, и, как мне показалось, взгляд человека из палатки стал чуть более мягок. Но я мог выдавать желаемое за действительное... Правда, агрессии я не чувствовал, но разве бывает агрессия перед свежим бифштексом?

— Назови себя, Гордокарне! — потребовал человек скрипучим одышливым голосом, не отрывая глаз от моего лица.

Несмотря на акцент, его империи был более близок к экваториальным диалектам.

— Меня зовут Странный из долины Маринера, — сказал я, затушив сигарету о каблук сапога.

Он вновь внимательно оглядел меня с ног до головы. Я слегка вздрогнул, заметив, что человек в халате только что мигнул

два раза подряд, и второй раз его зрачок покрылся чем-то белесым, — третье веко! Он тоже мутант!

— Ты хочешь умирать? — спросил он, прищурясь.

— Вообще-то не очень, — сказал я негромко. — У меня много дел, и моя женщина в беде...

— Тогда отвечай, Гордокарне, боги или демоны послали тебя? — Голос его дрожал не то от гнева, не то от напряжения.

— Конечно, боги. — Я пожал плечами. — Разве я, одинокий путник, похож на посланца демонов?

— Демоны лживы и изменчивы. — Он недоверчиво сощурился вновь. — Откуда нам знать?

И тут я решился, хотя не был уверен в том, что это по-настоящему удачная идея, но... Как я понял, выбрать мне было особенно не из чего.

— Знаете, как называют меня люди? — спросил я замогильным голосом.

— И как же тебя называют, Гордокарне? — Легкая усмешка сложила складками его щеку.

— Некоторые называют меня Пастух Глюков, — произнес я медленно, стараясь четко выговорить каждое слово.

Усмешка сползла с лица человека из палатки, а глаза, вознившись в меня, немного расширились.

Повисла тишина, в которой слышно было только, как стучит мое сердце. Я же пытался выровнять дыхание и сосредоточиться на мягком шелесте ветра меж камней, дабы не думать, что последует за этим моим смелым заявлением.

— Свершилось! — вдруг воскликнул человек в халате, вздев руки к небу. — Он сказал правду, я прочел его разум! Его послали боги! Сам Гунн-Шу послал его нам! Он принесет нам удачу! Это добрый знак, люди!

И вдруг все загалдели на разные голоса, раздались выкрики, которые перешли в какое-то ритмично скандируемое слово.

— Гу-Шу! Гу-шу! — кричали воины, стуча своими железными о землю.

— Я знал, что ты придешь, — торжественно произнес человек. — Юварки говорили, что с запада идет Пастух Глюков! Меня зовут Глаз Варана, Пастух Глюков. Я — отец нашего клана Одиноких Камней. Порой меня называют «Слышшим Богов». Юварки сказали, что ты не такой, как все Гордокарне! Ты великий воин! И ты идешь, чтоб вернуть Тех, Которые...